

А.А. Забияко
Чжан Жуян*

A.A. Zabiyako
Zhang Ruyan*

**Устная история русских Трехречья:
мемораты vs рассказы
по фотографиям****

**Oral History of the Russian Habitants
of Trekhrechy (Sanhe District):
Memoirs vs Narrations Based on Photos**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-7

УДК 397/398

Выходные данные для цитирования:

Забияко А.А., Чжан Жуян. Устная история русских Трехречья: мемораты vs рассказы по фотографиям // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 83–97. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-07.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-7

How to cite:

Zabiyako A.A., Zhang Ruyan. Oral History of the Russian Habitants of Trekhrechy (Sanhe District): Memoirs vs Narrations Based on Photos // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 83–97. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-07.pdf>

Abstract. The article is based on memorats and narrations based on photos collected in Russian and Chinese during five international expeditions to the three rivers region (Hulunbuir dist., Inner Mongolia, China) in 2015–2019. Modern Russian-speaking people of Trekhrechy present a mixed-race population born in Russian-Chinese marriages (in the first, second, and today – the fifth generation). Russians of the older generation are mostly illiterate (they do not speak written Russian, only some of them can read and write a little Chinese). The history of Trekhrechy region, of the settlement of these territories by the ancestors of the modern inhabitants of the region, and the socio-political and socio-cultural transformations they experienced does not exist. Therefore, family memorats and their stories about photos become the “folk” history of the Russian enclave in the territory of Trekhrechy. The subjects of memorats are typologically united by the motives of the settlement of these territories by their ancestors, the Russian-Chinese marriage, the Japanese occupation, the liberation by Soviet troops, and the “cultural revolution”. The presented narrations tell the history of family relationships, family traditions, social and cultural transformations of the twentieth century. Correlation of themes and plots of the narrations explicates the value foundations of ethnic consciousness of the Russian people, their bipatriotism in relation to Russia and China. In general, these verbal and verbal-visual texts are considered not just as a historical document, but as an implementation of an important component of ethnic identity of the Russian enclave in China – its historical memory.

Keywords: Trekhrechy (Sanhe district); Russian nationality; oral history; memorats; narrations based on photos; ethnic identity; historical memory.

The article has been received by the editor on 12.07.2020.

Full text of the article in Russian and eferences in English are available below.

Аннотация. Материалом статьи послужили мемораты и рассказы по фотоколлекциям, собранные на русском и китайском языках в ходе работы пяти международных экспедиций в район Трехречья (окр. Хулуьбуир, Внутренняя Монголия, КНР) в 2015–2019 гг.

* **Забияко Анна Анатольевна**, доктор филологических наук, Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, e-mail: sciencia@yandex.ru

Чжан Жуян, кандидат филологических наук, Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, e-mail: 358860148@qq.com

Zabiyako Anna A., Doctor of Philological Sciences, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: sciencia@yandex.ru

Zhang Ruyan, Candidate of Philological Sciences, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: 358860148@qq.com

** Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318.

Современные русскоговорящие трехреченцы состоят из метисированного населения, рожденного в русско-китайских браках (в первом, втором, сегодня уже пятом поколении). В основной своей массе представители русской народности старшего поколения не грамотны (не владеют письменным русским языком, лишь некоторые умеют читать и немного писать по-китайски). Написанной и отрефлектированной ими самими истории Трехречья, заселения этих территорий предками, общественно-политических и социокультурных трансформаций, ими пережитых, не существует. Потому семейные мемораты, их рассказы по фотоколлекциям становятся «народной» историей русского анклава на территории Трехречья. Сюжеты меморатов типологически объединяются мотивами заселения этих территорий предками, русско-китайского брака, японской оккупации, освобождения советскими войсками, «культурной революции». В фотонарративах зафиксирована история внутрисемейных отношений, семейной обрядности, социокультурных трансформаций XX в. Корреляция тем и сюжетов меморатов и фотонарративов эксплицирует ценностные опоры этнического сознания русской народности, их бипатриотизм по отношению к России и Китаю. В целом эти вербальные и вербально-визуальные тексты рассматриваются не просто как исторический документ, а как реализация важной компоненты этнической самобытности русского анклава в Китае – его исторической памяти.

Ключевые слова: Трехречье; русская народность; устная история; мемораты; рассказы по фотографиям; этническая идентичность; историческая память.

Трехречье (кит. 三河, Sanhe) – территория Северо-Восточного Китая, граничащая с российским Забайкальем по правобережью р. Аргунь и расположенная в бассейне трех ее притоков – рек Ган, Дербул и Хаул. Жизнь русской народности Трехречья является результатом длительной истории формирования русского анклава на этих землях¹. Историко-политические процессы в Китае середины XX в. (образование КНР, реэмиграция русских в СССР, рассеяние в другие страны, «культурная революция», дальнейшие реформы Китая) привели к тому, что в настоящее время собственно русского населения на территории Трехречья практически не осталось. При этом часть населения, официально записанная как 中国俄罗斯族 Zhongguo eluosizu – «русская национальность Китая», существует и насчитывает 15 393 человека (Шестая всеобщая перепись населения в КНР, 2010 г.). Современные русскоговорящие трехреченцы состоят из метисированного населения, рожденного в русско-китайских браках (в первом, втором, сегодня уже пятом поколении). В основной своей массе представители русской народности старшего поколения не грамотны (не владеют письменным русским языком, лишь некоторые умеют читать и немного писать по-китайски). Написанной и отрефлектированной ими самими истории Трехречья, заселения этих территорий предками, общественно-политических и социокультурных трансформаций, ими пережитых, не существует – история русской народности в Китае пишется сегодня в основном китайскими историками и в официально принятых трактовках².

Потому семейные мемораты трехреченских русских, их рассказы по фотоколлекциям становятся «народной» историей русского анклава на территории Трехречья. Эти вербальные и вербально-визуальные тексты рассматриваются не просто как исторический документ, а как реализация важной компоненты этнической самобытности русского анклава в Китае – его исторической памяти.

Меморат – фольклорный жанр особого рода³. Как правило, он не существует вне среды, предполагающей интерес к историческим фактам и деталям, значимым для рассказчика. Так как наши 75–90-летние информанты – естественные билингвы, то свою устную историю

¹ Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

² Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй. Русская народность в Аргуни. Хайлар, 2013; Юй Цзяньчжун, Цзян Юн. Русская народность. Юньнань, 2004; Русская народность в Автономном районе Внутренней Монголии. Хулуньбуир, 2015.

³ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 241–245.

они передают как на русском, так и на китайском языках, ситуативно с русскими/китайскими этнокультурными и социально-политическими акцентами.

Собранные мемуары характеризуются системой устойчивых идей-лейтмотивов: воспоминание о предках (бабушках и дедушках, родителях); рассказ о том, как те оказались в Трехречье; рассказы об исторических событиях, свидетелями и участниками которых были наши информанты; рассказы о православной вере, о традиционных праздниках.

Мемуары про предков объединены топосами, на основании которых сегодня складывается официальная история «русской национальности Китая» в районе Внутренней Монголии, неотделимая в китайском сознании от мифологизации истории. В этой истории, как правило, русская девушка из Забайкалья в начале XX в. выходит замуж за молодого человека из Шаньдуня, Шаньси, Хэбей: «Мама – русска, папа – китаец. Мама – Анисия Александровна. У меня дедушка – Александр – плотник был. Три дяди было: Иван, Николай, когда воевали – погибли. С японцами воевали, ближе к Драгоценке, Советский Союз помогал в Китае. У меня шесть сыновей, две дочери. <...> Отец искал, где заработать, поехали в Россию они, ехали – доехали до Маньчжурии, уехали в Россию. Их 8 человек было. Вот там жили у русских, работали, как раз это царь с советскими воевали (видимо, речь о Гражданской войне. – Авт.). Вот в армию записались (видимо, хозяева. – Авт.), они уехали на прииск (отец. – Авт.), там с матерью пожилы, потом в Китай вернулись (Зап. от Ивана <Васильевича> Васильева 曲常山, Qu Changshan, 1923–2015, д. Караванная, 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Брак между русской девушкой и китайцем, как правило, много старше ее, заключался чаще «по сговору», но некоторые старушки помнят рассказы матерей и свекровей об «умыкании»⁴: «Моя свекровь была Якимова Улита. Она с берега Аргуни от Нолимска. Бабушка тоже из небогатого дома, она выросла с мачехой. Трусики носила, штанов не было. Наш свекр-китаец переехал Аргунь и там продавал муку, пищу, тогда в России трудно было в двадцатых годах, только после революции. Наш свекр слова два по-русски говорил, вот она бегала у него, покупала. Вот с ним там познакомилась, часто бегала туда, он все распродал и ее на сани, и привез сюда, и невеста. Они жили сначала в Камарах около Аргуни. Было 3 сына и одна доча. Мой-та муж третий» (Зап. от Ирины Громовой 王秀枝, Wang Xiuzhi, 1942–2018, г. Лабдарин, 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Из мемуаров мы узнаем о социальных причинах, из-за которых в Трехречье встретились русские женщины и китайские мужчины: «Нашу маму бабушка на руках в четыре года сюда привезла. Бабушка четырех привела сюда, маму отчим вырастил. За которого она вышла, за китайца, от того еще двоих принесла, дочку да парня. Работы-та не было, он картами играл, все проиграл. Вот маленьки они все по людям ходили, работали, в шишнацать лет за папу отдали, и папа года не старый. Он только маму старе на 8 лет. Папа – китаец из Хэбэй. Бабушка из Нерчинского завода. Они пешком сюда пришли. Голод был там. Здесь как раз рабочих из Китая ребят много, которые золото копали, японцы наловили дорогу налаживать. Я родилась в Караванной» (Зап. от Маруси Дементьевой 果佩珍, Quo Peizhen, 1941 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

О родине предков – как по материнской, так и по отцовской линии, трехреченцы детализованно не рассказывают. Достаточно индифферентны они и историческим обстоятельствам, приведшим к миграциям русских в эти края в первой половине XX в. (революция 1917 г., Гражданская война, резня в Трехречье⁵, массовое бегство на правый берег Аргуни не принявших коллективизацию советских крестьян). «Выхолощенность» политических обстоятельств объясняется годами идеологической обработки наших информантов в русле

⁴ Забияко А.А., Забияко А.П. История поколений русско-китайских семей в мемуаратах Трехречья // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 156–164.

⁵ Осенью 1929 г. советские войска ворвались в Маньчжурию. Под угрозой оказались большие казачьи поселения в Трехречье. Пока регулярные армейские части действовали против китайских войск (т.н. маньчжурочжалайнонская операция), карательные отряды НКВД, часть которых была сформирована еще задолго до конфликта Хабаровским отделом ГПУ, справлялись с мирным населением. (Об этом: Финал трагедии Трехречья. Похороны 27 расстрелянных жителей поселка Тыныхэ // Рубеж. 1930. № 21. С. 5).

официального китайского понимания истории времен образования КНР и «культурной революции». Однако некоторые события и воспоминания о них сохранили в устной истории Трехречья этнокультурные и этнополитические приоритеты.

Как следует из семейных мемуаров, исторически значимыми для них являются период японской оккупации Маньчжурии (1931–1945), события освобождения Трехречья советскими бойцами (1945) и годы «культурной революции» (1965–1976) (в их словоупотреблении – «революции») – т.е. те исторические реалии, которые связаны с личной историей, собственными страданиями и бедами близких людей.

Страшные годы японской оккупации Маньчжурии (1931–1945) коснулись каждого трехреченца. Потому рассказы про японскую оккупацию и освобождение от нее советскими войсками характеризуются высокой степенью экспрессивности и особым чувством этнической гордости. Драматичен в этом отношении рассказ Ирины Громовой: «Когда японцы тогда шли, в мою маму один влюбился, а кака любовь – он же военный. В белых перчатках, на коне ездил. Вот сделал меня, а он кореец был. Он японцем работал, ну и она вышла за него. Меня-то сделали. Потом русская армия Китаю помогла, японца угнали. Тот отец тоже убежал с имя вместе. А маму и меня бросили, мама никак не поехала с имя. Он звал, она не поехала: “У меня дом, у меня дите”, и не поехала. Они убежали. До Усть-Урова добежали, его там где-то и убили. Это же гадина: почему ты это в такую армию и <пошел>!» (Зап. от Ирины Громовой, 王秀枝, Wang Xiuzhi (Ван Сючжи), 1942–2018, г. Лабдарин (Эргуна), октябрь 2015, соб.: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуйян) [ЦИДВЭ].

После войны мать Ирины вышла замуж за полукровца⁶ Николая Ивановича Громова (кит. имя Ван Цзяжун). В те годы многие из потомков русско-китайских браков, пользуясь своей метисированной внешностью и свободным владением русским и китайским языками, были разведчиками. Они героически выполняли секретные задания Советской армии, готовящейся к разгрому японских интервентов, и одновременно помогали китайскому Сопротивлению⁷.

Образ восприятия японцев в этих мемуаратах – проекция их отношения к русским, китайцам, полукровцам – всем тем, кто населял в те годы Трехречье: «Японцы – злой народ. Непутящци. Вот по улицы идут они, я еще небольшая была. Один мальчик по улице шел, лет 16–17 ему было, и он мимо них прошел, на них взглянул, и они его в лицо исхлестали: “Вот для какой ты цели на нас взглянул!” Вот каки они были злые. Я японцев выгоняю. Не хочу на них смотреть, злые люди! Они каки злые – страны нету <хуже>, как японцы. Много народу они положили, они поймают человека, они его и захлещут, или в тюрьму попал – все, живой не выйдет. Они моему папки железны крюки – вот сюдова <под лопатки> одевали и весили, вот каки люди. Как я могу на них смотреть? Не могу. И сказала детям: “Вы на них не смотрите – это злые люди”. Вот вы сейчас до Олочи поедете, дорога проведена, при японцах проводили, только ямы засыпали, китайского народу погубло. Голодны, досыта не кормят. Человек распустица не сможет, они его в сторону отгоняют, он помрет там под дорогой. Ой, японцы народ тиранют. Уже больно вот, перец уже горький они напарют и в рот, везде льют. У нас здесь рассказывали, одну женщину поймали, не знаю – так ее затиранили.<...> Коды японцы были, мы в детстве не видали ничего, никаки конфеты не знали, кады потом освободили, стали тогда в улицу бегать, узнали, что есть конфеты есть. Че – когда японцы были, все по выдаче было, спички, все по выдачи давали. Много бедных было» (Зап. от Таисии Николаевной Петуховой, 1931–2016, д. Караванная (Эньхэ), июнь 2015, соб.: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Ван Цзяньлинь, Чжан Жуйян) [ЦИДВЭ].

Сюжетной типологией отмечены мемуараты о последних днях японской оккупации. В них рассказывается о жестокости японской военщины и сочувствии простых японцев. Фольклор-

⁶ Полукровцы – одно из современных самоназваний представителей метисированного населения Трехречья, в настоящее время не несущее обидных коннотаций.

⁷ Янь Гуанцин. 闫广庆 Русская национальность в Аргуни 额尔古纳俄罗斯族 Внутренняя Монголия: Общество книжной серии романтического города 浪漫之城系列丛书编委会, 2013. С. 178.

ность меморатов об одном и том же событии, рассказываемых в разное время, на русском и китайском языках, обнаруживается и в топике, и в персонажной системе: «Они приглашали в Божий храм, колокол звонил, чтобы всех собрали. Один японец, он все боле с народом ватарил [общался], он сказал, чтобы в Божий храм не ходили. Хотели подорвать, весь народ соберется, хотели подорвать. Мы из дома ушли туды к огороднику, в яму залезли, слышим: в колокол звонят, я говорю: “Мам, почему в колокол звонят?”, она говорит: “Народ собирают, чтобы народ собрался, потом подорвут”. Вот какие злые люди. Никто не пошел.

У русских машины завязли, потом, если бы не завязли, они бы японцев в Драгоценке застали, вот тогда много бы народу погибло. Они с утра отступали, а русски только к обеду зашли» (Зап. от Таисии Николаевной Петуховой, 1931–2016, д. Караванная (Эньхэ), июнь 2015, соб.: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Ван Цзяньлинь, Чжан Жуянь) [ЦИДВЭ].

他们，我听妈妈说：头一天，日本人说要开会，让老百姓都去学校，都去学校开会去，有一个日本女的就告诉老太太们，可能是告诉我妈妈她们，因为我们离她家房子挺近。说待会开会你们别去，要把你们点着了，这一下子就都不去了，然后用喇叭喊开会了，那不是还有咱们的人给他们干活的。

«Я слышала от мамы: за день японцы сказали, что будет собрание, и все простые люди должны собраться в школе, все в школу на собрание. Одна японская женщина, она сообщила старушкам, может быть, сообщила моей маме, потому что наш дом был рядом с ее домом. Сказала: скоро сообщают вам на собрание, и будут вас запалить. Сразу все не пошли, когда из рупора стали кричать про собрание, это наши люди кричали, которые работали у них (японцев)».

平时和你们有接触吗?

«Вы с ней <японкой, которая предупредила об опасности> раньше общались?»

没有什么接触应该。去没去过我家我这就记不清了。我记得好像是有一次给过妈妈挂面那还是大米？因为我们家孩子有病了，她偷着给的告诉我们别说，别说。所以这次也告诉了说：不要说是她说的别去开会。喊你们你们别去，别说是我说的。完了都没去，他们也着急，就跑了

«Нет, никак не общались. Бывала она у нас или нет, я уже не помню. Как будто, помню, что один раз <эта японка> подарила маме сухую лапшу и рис... Потому что в нашей семье ребенок болел, а она тайно, но просит маму: не говори, что я вам подарила, никому не говори! Поэтому, как в тот раз, тоже так напомнила: никому не говори, что это я вам сообщала. Когда вам закричат <идти> на собрание, не ходите туда! Не говорите, что это я вам сказала. В конце концов, никто не пошел на собрание. Они (японцы) тоже торопились, быстро убежали».

(Зап. от Маруси Дементьевой, 果佩珍, Qiu Peizhen (Го Пейчжен), 1941 г.р., д. Караванная (Эньхэ), август 2018, соб. п перевод: Чжан Жуянь) [ЦИДВЭ].

Несмотря на то, что в меморатах отсутствуют прямые характеристики японцев, истории, оставшиеся в памяти, характеризуют их образ восприятия в этническом сознании как нельзя красноречивее. До сих пор передаются изустно рассказы о попрании японскими военными законов гостеприимства, укорененного и в русском, и китайском сознании, о жестокости по отношению к старикам и детям:

那时候都夏天吧，男的都不在家，就老太太领着四个孩子。就住到他家了，要吃饭，这个老太太给他们做没做饭，这个我闹不清楚。我听妈妈说：这老太太，给他们整的奶渣子，斯米丹，列巴，胡的土豆，煮的鸡蛋就给他们吃了。吃的，吃完了以后吧。这有个男的就要打死，把这个这些个孩子和老

«Тогда летом, мужчин не было дома, только старушка <русская> с четырьмя детьми.<Японцы> жили в его доме, кушать надо, а старушка им приготовила творог, сметану, хлеб, вареную картошку, вареные яйца и дали им покушать. Кушают. Когда покушали, тут один <японский>

太太。有一个女的她就不让。据刘振川他妈说的：能看出来是这个女的不让，她把那个吃饭的东西拽过来给他看，也不知道说啥他们。那意思就是比划，意思是咱们吃了喝了，意思就是这个意思，你凭啥要打死他们？说走了，出去了，又回来了。回来，这个女的又进来了，又没让他打

мужчина решил их убить, убить эту... этих детей и старушку. Была женщина (японская), не разрешила. Мама Лю Чжэньчуани говорит: видно, что эта женщина не хочет, она взяла эти продукты, показывает ему <японцу>. Я не понимаю, что они там говорят. Так жестикулируют: мы пообедали и выпили, так зачем убивать их? Потом они ушли, <но тот> опять вернулся. Вернулся, а женщина за ним зашла тоже, не разрешила ему убить».

(Зап. от Маруси Дементьевой, 果佩珍, Quo Peizhen (Го Пейчжен), 1941 г.р., д. Караванная (Эньхэ), август 2018, соб. И перевод: Чжан Жуян) [ЦИДВЭ].

Заметим: незлобивые трехреченцы стараются быть объективными, постоянно подчеркивая, что и среди оккупантов были порядочные люди.

Образ «непутящих» японцев в меморатах трехреченцев усугубляется рассказами об их беспримерном фанатизме, распространяющемся на собственных детей: «Японок много было тут в Драгоценке. Мужья тут и жен привезли, ну много их тут пострадало, которых маленьких сами своих детей убили.

– Так а зачем японки детей убивали?

Т.П.: А как зачем, дите маленько, как с ним бежать? Невозможно» (Зап. от Таисии Николаевны Петуховой, 1931–2016, д. Караванная (Эньхэ), июнь 2015, соб.: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Ван Цзяньлинь, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ]

Образ советских бойцов, освободивших трехреченцев, в меморатах выступает полной противоположностью японцам. В этих меморатах советские бойцы заботятся, в первую очередь, о голодных трехреченских детях:

他们，日本人打死了，他们一到上护林，下护林就被打死了。因为这些红，我们正好在街上，我们还小，还没有衣服穿在那，我就记得给我们肉吃了，老百姓给他们送干粮，他们也不要。然后把牛肉炖了一块一块的，我们也就是十几个孩子吧，围起来了那个锅就在那看。然后他们给我们一人一块肉，是骨头还是肉我都忘了，下水脑袋给我妈妈了，因为我们道挨着道。现在果富贵住的就是我们的老房子，旁边就是日本大营

«Они, японцы, всех убивали, когда ездили в Шан-Кули или Ся-Кули, все были убиты. Когда Красная Армия пришла, они (японцы) уже убежали. Когда пришла Красная Армия сюда, они <бойцы> убили корову, как раз мы на улице были, мы маленькие и без одежды, я помню, что они нам подарили мясо, мы простые им давали продукты, те отказались. И нарезали мясо по кусочкам, нам каждому ребенку. То есть больше десяти детей, стоим вокруг котелка и смотрим. Потом нам подарили кусок мяса, мясо или кость, я забыла. А требуху и голову маме подарили, потому что мы жили рядом, где Го Фугуй, это наш старый дом, а рядом был японский лагерь».

(Зап. от Маруси Дементьевой, 果佩珍, Quo Peizhen (Го Пейчжен), 1941 г.р., д. Караванная (Эньхэ), август 2018, соб. и перевод: Чжан Жуян) [ЦИДВЭ].

Помимо корреляции с образами восприятия японцев, русские Трехречья поверяют свою двойную этничность соотношением с русской («советской») ментальностью. В данных соотношениях отчетливо проявлен *бипатриотизм* представителей русской народности Трехречья как характерная черта их этнической самобытности⁸.

Рассказы про «культурную революцию» удалось записать не у каждого информанта – они относятся к разряду маргиналий. Очевидно, что такое отношение связано с русским нежеланием «выносить сор из избы» и китайским опасением «потерять лицо», а также опасением

⁸ Забияко А.П. Русские Трехречья как особая этнолокальная группа // Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. С. 57–58.

вновь пострадать от официальных властей: «Про культурну революцию нечего рассказывать, про это история не заходит (официальная история Китая. – *Авт.*). И нам не надо это поминать, тяжело было нам, полукровцам» (Зап. от Александра (Шуры) Чешнова 刘连吉, Liu Lianji, 1938 г.р. (урож. Ба Цзянь Фан 八间房, Bajianfang), д. Караванная, 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Редкие же откровения трехреченцев дают возможность увидеть эти события изнутри, понять, почему дети и внуки наших собеседников не учили русский язык, и сами информанты сейчас многое забыли: «Знают – нету-ка, а бьют. Задираюца, за ноги подвесют на веревки и бьют. Не в тюрьму посадют, а в дом найдут и держат – кондала наденут. А не просто сидели – на саях да с топорами работали, а вечером опять кондалы. Хотел убежать, да куда? Один учитель убежал, они его вернули – расстреляли. <Я> колхозе сперва работал, потом привели к лесу – там работал.

В культурну революцию из своих поселков свои начали как собаки. Сперва по деревням, потом по городам, по поселкам <...>

Родня с родней разговаривать боица. Я в Олочи был, там был один китаец-полукровиц. Его забросили, его поставили работать, а он только сказал: “Матку сюда подвину” – по-русски. И за это его посадили. Он потом в Новосибирь (Новосибирск) уехал <...>

Еще раз нашла история: по-русски все говорить боялись, а бабы сойдутся да по-русски разговариват. Один коммунист зашел к ним, все не стали разговаривать, все боятся. Он молчал-молчал. А потом (по-китайски): “Это я где?” – “В Володькином доме”. – “А Володькин дом где? В Китае?” – “В Китае”. – “А почему в Китае по-русски говорят? Почему не по-китайски?”

Потом в восьмисятм в начале перестройки казна сказала: “Можно вам по-русски говорить”, понемногу стали говорить (Зап. от Василия Зоркальцева 孙德福, Sun Defu, 1944 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Ирина Громова вспоминает, как мучили ее и ее отца-разведчика, героя антияпонского сопротивления:

«Когда была в Китае культурна революция, все культурно делали: то не дают пить, то не дают одеться. Меня подвешивали, отца в тюрьму садили. На моего папу кандалы одевали, железные в кузницы накуют, потом к ногам приплавят, что их снять не можно. В Олочах тиранили, потом еще в Драгоценке. В Драгоценке тоже этот человек, который кандалы паял, он же заскочил на машину: ноги отмерзнут до Драгоценки ехать, дал одеяло – ноги замотал отцу. Мы на него не так злимся, что он хорошо отцу сделал.

Ну, ничего, Бог помог, все прошло» (Зап. от Ирины Громовой 王秀枝, Wang Xiuzhi, 1942–2018, г. Лабдарин, 2015 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Не случайно мемораты о «культурной революции» связаны с размышлениями о «божьем промысле» – православие в жизни трехреченских русских – важная часть их самоидентификации как «русской нации»: «В революцию ой трудно было, но все прожили, иконы везде все прятала на вышку, потом в колодец замазывала, потом на себе, грешна Господу Богу, иконы все брошала, церкви раньше здесь не было» (Зап. от Лидии Корытниковой 王玉梅, Wang Yumei, 1937 г.р. (урож. д. Усть-Уров), д. Олочи, 2016 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Церковь и церковные службы в семейных нарративах связаны с детскими воспоминаниями⁹.

Мемораты русских трехреченцев любопытным образом коррелируют с их рассказами по фотоколлекциям. Данные фотоколлекции (реже – фотогалереи) частично наследуют крестьянскую культуру русских переселенцев конца XIX – начала XX в.

Композиция домашней фотогалереи в Трехречье обычно состояла и состоит из снимков родителей (вначале молодых, по отдельности, затем вдвоем), группового семейного фото с маленькими детьми, фотографий информанта (потомка русско-китайского брака) юных лет, затем его спутника или спутницы тех же лет, свадебного фото, фотографий детей,

⁹ Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В. Народное православие русских Трехречья // Религиоведение. 2016. № 3. С. 121–136.

группового семейного фото уже трех поколений, фото внуков и т.д. Данные коллажи и композиции, как правило, располагались с правой стороны центральной стены ближе к красному углу, где помещаются иконы, либо последовательно в альбомах:

哎呀，老一辈的人都挂，像我妈妈似的都挂，姥姥他们都挂，有的开始摘，我也没摘，我就觉得好看。他们说好像不时兴了，有那个影集，都搁到那个影集里。我说谁都看着，往影集里搁啥啊？

Aiya, lao yibeier de ren dou gua, xiang wo mama side dou gua, laolao tamen dou gua, youde kaishi zhai, woye meizhai, wo jiu jue de haokan. Tamen shuo haoxiang bu shixingle, you nage yingji, dou gedao nage yingjili. Woshuo shuidou kanbuzhao, wang yingjili geshaa?

«Ай, старшие поколения все так делали. Как моя мама – так вешала, мама мамы тоже вешала фотографии на стене. Кто-то потом [из трехреченцев у себя дома. – Авт.] снимал фотографии... А я – нет, считаю, что так красиво. Они говорят, что уже не модно. Потому что появились альбомы, в которых все сохраняют. Но я говорю, что в альбомах никому не видно. Зачем в альбом класть?»

(Зап. от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урож. д. Ернишная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

В годы «культурной революции» трехреченцам пришлось убрать со стены иконы и спрятать их (это сделали самые отчаянные, а остальные – просто уничтожили)¹⁰. Фотографии членов русско-китайской семьи и их родственников могли стать более тяжким «доказательством» «шпионской деятельности в пользу СССР», «ревизионизма», потому их постигла та же участь:

现在不便于在国外宣传这个，因为文革期间，长辈的老照片，按照四旧就烧掉了，或者毁掉了，这种相片都损失不少，现在留下来的属于极少的了。特别是当时我们长辈人从国外过来的时候，带回来了他们家长的相片，或者是亲属的相片，在文革时期那就属于有国外关系啊，所以说不敢保存就毁掉了，太可惜了。

Xianzai bu bianyu zai guowai xuan chuan zhe ge, yinwei wengeqijian, zhangbeidelao zhaopian, anzhao sijiu jiu zhaodianle, huozhe huidaole, zhezhong xiangpiandou sunshi bushao, xianzai liuxialaideshuyu jishao dele. Tebie shi dangshiwomen zhangbeiren congguowai guolaide shihou, daihuilaile tamen jiazhangdezhaopian, huozheshi qinshude zhaopian, zai wenge shiqi najiushuyu you guowai guanxi a, suoyishuo bugan baocunjiuhuidaole, tai keqile.

«Сейчас нельзя за границей рассказывать про это: в культурную революцию все пожгли эти старые фотографии. Поэтому мало остались. Особенно наше старшее поколение, которое из России приехало и привезло много фотографий своих старших поколений или фотографии родственников. Это был символ их «связи с иностранцами» в культурную революцию. Поэтому мало сохранили, все пожгли. Очень жаль. В то время много старых памятников тоже ломали».

(Зап. от Володи Башурова 尹宗兴, Yin Zongxing, 1947 г.р. (урож. д. Усть-Уров), г. Лабдарин, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

В годы реформ (1979–1992) фотографии постепенно стали возвращаться на стены деревенских домов русских потомков Трехречья, а позднее превратились в настоящий «бренд» русской избы Трехречья. Однако многие снимки остались храниться в специальных коробках, реже – в альбомах, например, в семье Первоухиных-Дементьевых (кит. 朱玉花 (Zhu Yuhua), 果富贵 (Guo Fugui)).

Крестьянская община в Трехречье как таковая исчезла, «совхозы» ушли в далекое прошлое, большие семьи распались. Семьи сегодняшних трехреченцев, потомков русско-китайских браков, живут достаточно обособленной жизнью. Каждая малая семья работает на себя и будущее своих детей и внуков.

Рассматривание фотографий вместе с собирателями и их нарративизация позволяют трехреченцам вновь пережить забытый в последние годы эффект общности и единства с членами большой семьи. Нарративы по фотоколлекциям русских Трехречья возникают при рассмотрении только наиболее значимых для собеседников, отражающих важные события жизни (сбор всей семьи, семейные праздники, похоронные и свадебные обряды и т.д.). С одной стороны, они дополняют сюжетику устойчивых семейных меморатов, дают возможность собирателю эксплицировать некоторые латентно сохраняющиеся в памяти информантов

¹⁰ Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. С. 8–120.

сведения. В отличие от «просто» семейного мемората, рассказы по фотографиям обладают большей эмоциональностью, информативностью, ассоциативным тематическим ареалом: когда наш собеседник начинает вместе с собирателем рассматривать старые снимки, он окунается в годы молодости, событий тех лет, по-иному оценивая свое прошлое. К этим рассказам, как правило, не привязаны некоторые устойчивые нарративы – часто бывающие в этих краях исследователи не обращались до сей поры к методикам визуальной антропологии.

Хронология снимков фиксирует время с начала XX в. до настоящего времени. Первым в альбоме расположено фото семьи Ивана Дементьева (рис. 1)¹¹. В центре во втором ряду сидят русская мать Ивана и отец, рядом с отцом – его мама, бабушка Ивана по отцовской линии. Они сидят в окружении 7 детей. Сам Иван (старший сын) стоит первым в верхнем ряду слева:

这是我俄罗斯妈妈，都管她叫塔基亚娜，塔基亚娜。这是我妈妈的妈妈。姥姥和姥爷都是从苏联过来的，还有俩舅舅。我爸以前当卡来着，然后就和他们认识了。后来那个日本人来了，他就变成老百姓了。

Zheshi wo eluosi mama, dou guan ta jiao Tajiyana, Tajiyana. Zheshi wo mama de mama. Laolao laoye doushi cong sulian guolaide, haiyou lia jiujiu. Woba yiqian dang kabing laizhe, ranhou jiu he tamen renshille. Houlai nage ribenren laile, ta jiu biancheng laobaixingle.

当时从哈尔滨，沈阳还是什么地方来的，当时军阀混战吗，到海拉尔之后呢，他们不是有那个“店房”吗，他上那儿去了，那有河北人，山西的，我父亲他们不是靠着山西交界吗，山西的他们也叫他老乡，河北的也叫他老乡。就住在店房给人家干点活儿，后来给他找了个活儿在“蒙古地”还是哪块儿？那时候叫我写，往上报我都忘了。到蒙古地去了，后来来了个飞机，他妈的扔起炸弹来了，完了把那个小孩儿炸死了，我父亲一看这也不把握，后来又不干了，又回到海拉尔，这个边防呢就招卡兵，河北那些人又介绍他来当卡兵来了。第二次入伍到这儿了。

Dangshi cong haerbin, shenyang haishi shenme difang laide, dangshi junfa bushi hunzhanma? Dao hailaer zhihou ne, tamen bushi you nage “dianfang” ma, ta shang naer qule, nayou hebeiren, shanxide, wo fuqin tamen bushi kaozhe shanxi jiaojie ma, shanxide tamen ye jiao ta laoxiang, hebeide ye jiao ta laoxiang. Jiu zhuzai difang gei renjia gandianhuo, houlai geita zhaole gehuoer “menggudi” haishi nakuaier? Nashihou jiao wo xie, wangshangbao wo dou wangle. Dao “menggudi” qule, houlai laile ge feiji, tamade rengqi zhaodan laile, wanle ba nage xiaohaier zhasile, wofuqin yikan zhe ye bu bawu, houlai you buganle, you huidao hailaer, zhege bianfangne jiu zhao kabing, bhebei naxieren you jieshao ta lai dang kabing laile. Dierci ruwu daozheerle.

«Это моя мама русская, все звали ее Татьяна. Это мама мамы. Бабушка и дедушка (папа мамы) со Советского Союза [так называют Россию. – Авт.] приехали, еще 2 дяди (братья мамы). Отец был пограничником, и они с ним познакомились. Потом японцы пришли, застав не стало. Он стал простым человеком».

(Зап. от Ивана Дементьева 果富贵, Guo Fugui, 1945 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Это из Харбина или Ляонина, старые милитаристы трех северо-восточных провинций [воевали. – Авт.]. Когда приехал в Хайлар, он жил на постоялом дворе, а там еще жили люди из Шанси, из Хэбэй. Он там увидел много земляков, все зовут его “земляк”, потому что все рядом. Сначала он работал на постоялом дворе, потом ему нашли работу в монгольской земле [на территории современной Внутренней Монголии. – Авт.]. Раньше [в «культурную революцию». – Авт.] меня попросил написать, все надо было по начальству посылать, много уже забыл. Он работал на монгольской земле, и прилетел самолет, и начал сбрасывать бомбы, много взорвали молодых людей. Мой отец решил, что здесь тоже опасно. Потому он ушел из монгольской земли, приехал в Хайлар. А Хайларе вербовали пограничников, хэбэйские земляки с ним познакомились на заставе, он во второй раз поступил солдатом».

(Зап. от Ивана Дементьева 果富贵, Guo Fugui, 1945 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

¹¹ Все иллюстрации представлены в конце статьи.

她最大, 说老太太 16, 有的时候还不满意呢我看: “她最大我不要她要谁啊”? 那些都是 13-14 的可能是, 她 16 达尼亚。就是在那介绍的时候所有姑娘里就她大的了, 就得介绍她了呗。

Ta zuida, shuo laotaitai 16, youde shihou haibu manyi ne wokan: “ta zuida wo bu qu ta yao shui a”? naxie doushi 13-14 de kenengshi, ta 16 danina. Jiushi zaina jieshao de shihou guniang li jiu ta zuidadele, jiude jieshao ta le bei.

我母亲后期还学一些汉话, 父亲没有。

比如说 Здравствуйте 这个他能听懂, 但是别的都不会, 不像其他以前在金矿上干活的老头儿们都会苏联话, 我母亲刚开始只会吃饭, 喝水这几句话, 后来一点一点自己学的。

Tamuqin houqi hai xue yixie hanhua, fuqin meiyou. Birushuo “Здравствуйте” zhedge tamen peng tingdong, danshi biede doubuhui, buxiang qita yiqianzai jinkuangshang ganhuode laotouermen douhui sulianhua, wo muqing gangkaishi zhihui chifan, heshui zhe jijuhua, houlai yidian yidian ziji xuede.

他父亲嘴可笨了, 一句俄语说不了, 他母亲后期还学一些汉话。不知道咋过的当时。反正他们有一个得会学另一个人的话, 就像我爷爷说苏联话嘎嘎的了, 留两个小胡子, 可精神了, 我奶奶有点什么都不会了。脑袋有点也不太好使。

Tā fùqīn zuǐ kě bènlè, yījù èyǔ shuō bu le, tā mǔqīn hòuqí hái xué yìxiē hàn huà. Bù zhīdào zǎguò dí dāng shí. Fǎnzhèng tāmen yǒu yīgè dé huì xué líng yīgè rén dehuà, jiù xiàng wǒ yéyé shuō sūlián huà gāgā dele, liú liǎng gè xiǎo húzi, kě jīngshénle, wǒ nǎinai yǒudiǎn shénme dōu bù huìle. Nǎodai yǒudiǎn yě bù tài hǎo shǐ.

我从来没有听我老公说过苏联话, 婆婆很厉害, 她可是不管你苏联话, 汉话, 都能接上去。和谁都唠, 没完没了。公公有名的老实人, 个子不高。

Wo conglai meiyingtingwolaogonggongshuoguo sulianhua, popo henlihai, takeshi buguan nisulianhua, hanhua, douneng jie shangqu. He shui dou lao, meiwanmeiliao. Gonggong youmingde laoshiren, gezi bugao.

На следующей фотографии (рис. 2) – зрелые Иван и Анна стоят по бокам мамы Ивана, в доме Ивана и Анны, уже после смерти отца Ивана. На заднем плане хорошо просматривается композиция фотогалереи по бокам часов. В нижнем ряду отдельные фотопортреты молодой матери Ивана и отца, выше с правой стороны – фотографии отца и матери, уже

«Она [мама Ивана. – Авт.] – была самая взрослая, в то время «старухе» 16 лет только. Он еще [был. – Авт.] не доволен: “Она самая взрослая – не выбираю, а кого выберу? Кого еще?” А другим только 13 лет, 14 лет. Ей 16 лет, Тане. В группе¹² она самая взрослая, ее не выбираю, а кого тогда?»

(Зап. от Ивана Дементьева 果富贵, Guo Fugui, 1945 г.р. (урож. д. Караванная), от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урож. д. Ершишная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Моя мама училась немного ханьскому языку, а отец – нет [русскому языку. – Авт.], если кто говорит слово “здравствуйте”, он понимает, а другое не понимает. Он – не как другие старики, (которые) работали в руднике, все понимали советский язык, мой отец не умеет говорить, он там ни разу не работал. Вначале мама только умеет говорить слово “кушать”, “воду пить”, потом, потихоньку, сама начала учиться».

(Зап. от Ивана Дементьева 果富贵, Guo Fugui, 1945 г.р. (урож. д. Караванная), Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«У его отца рот “тупой” был очень, вовсе не умел по-русски, его мама более-менее училась немного, не думает, что хорошо и плохо по-китайски, ничего не делает – а нужно общаться. <...> Что раньше случилось, мы же не знаем. Но у них [в русско-китайской семье. – Авт.] обязательно один человек учится языку от другого. Как у меня бабушка, он очень хорошо говорил по-русски, он носил усы, был очень красивый, а бабушка – вовсе не умела [по-китайски. – Авт.], у нее голова не работает».

(Зап. от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урож. д. Ершишная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Я никогда не слышала советский язык от его отца, а его мама молодец! Она не думает, что ты по-советски или по-ханьски, со всеми сможет разговаривать, конца и краю не видать. А отец простецкий, маленького роста, простецкий».

(Зап. от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урож. д. Ершишная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

¹² Речь идет о группе русских невест, которую предложили отцу Ивана для сватовства.

расположенные рядом. С левой стороны – несколько фотографий в раме. Третий, верхний ряд, включает уже групповые фотографии: с правой стороны 2, с левой стороны 4. Очевидно, там расположены свадебные фото детей. Эта часть интерьера – целиком русская. Ниже фотогалереи расположен телевизор под салфеткой. На нем стоит глобус и статуэтка. Справа расположен шкаф, который украшен по-китайски веером и двумя одинаковыми вазами с искусственными цветами по китайской традиции. Иван и Анна одеты нарядно, аккуратно причесаны. Мама Ивана также «принаряжена» в цветную русскую шаль.

Рассматривание этой фотографии вызывает рассказ о том, что отец-китаец под конец жизни определял для себя, почему ему нравится русский – трехреченский – образ жизни:

我父亲经常讲：我住这里比关里强多了，这个苏联人那比中国人好多了，当时驾着车去屯子里，当时没有店房什么的，你看谁家草垛多，你就把车赶到他家院子里去，掌柜的出来帮你卸车，把马给你喂上，给你安排个住屋，给你安排饭吃，如果她家没有男人，只有女人在家的话也是这样，给你做饭吃，睡觉没有地方，就在地板上睡觉，给你铺上毡子。在关里家，一进屋说：掌柜的在家没在家？女的喊没在家。那就不能进去了。所以说我父亲去世的时候要跟我母亲的那个方向相等。

Wǒ fùqīn jīngcháng jiǎng: Wǒ zhù zhèlǐ bǐ guān lǐ qiáng duōle, zhège sūlián rén nà bǐ zhōngguó rén hǎoduōle, dāngshí jiàzhe chē qù túnzi lǐ, dāngshí méiyǒu diàn fáng shénme de, nǐ kàn shéi jiā cǎo duǒ duō, nǐ jiù bǎ chē gǎn dào tā jiā yuànzi lǐ qù, zhǎngguì de chūlái bāng nǐ xièchē, bǎ mǎ gěi nǐ wèi shàng, gěi nǐ ānpái gè zhù wū, gěi nǐ ānpái fàn chī, rúguǒ tā jiā méiyǒu nánrén, zhǐyǒu nǚrén zài jiā dehuà yěshì zhèyàng, gěi nǐ zuò fàn chī, shuìjiào méiyǒu dìfāng, jiù zài dìbǎn shàng shuìjiào, gěi nǐ pù shàng zhānzi. Zài guān lǐ jiā, yī jìn wū shuō: Zhǎngguì de zài jiā méi zài jiā? Nǚ de hǎn méi zài jiā. Nà jiù bùnéng jìnqùle. Suǒyǐ shuō wǒ fùqīn qùshì de shíhòu yào gēn wǒ mǔqīn dì nàgè fāngxiàng xiāngděng.

«Отец часто мне говорил: “Я живу здесь лучше, чем в Гуанли (внутри Великой стены), это советские люди лучше китайцев. Почему? Когда ты въезжаешь в повозке в [русскую. – Авт.] деревню, [в то время не было постоянных дворов. – Авт.], ты смотришь все дома: в котором стожок высокий и большой [примета русского дома. – Авт.], ты едешь на тот двор, хозяин выходит, тебе поможет разгрузить вещи, накормит лошадей, тебе даст комнату для отдыха, тебе даст поесть. Если мужчин дома нет, только женщина дома, она тоже так тебе сделает. Тебе приготовит, если нет свободной комнаты, постелет тебе в сарае, там постелет войлок и ватник. А в доме Гуанли [внутри Великой стены, в китайском доме. – Авт.] заходишь во двор, кричишь: “Хозяин дома?” Женщина отвечает: “Никого нет”. Тогда нельзя заходить. Если в Советском Союзе, хозяин разгрузит вещи, тебе поможет разложить вещи, приглашает в дом, тебе приготовит еду, хлеба нарежет”. Поэтому он (отец) всю жизнь жил здесь. Потому, когда отец умирал, он хотел, чтобы с мамой в одном направлении» [лежать в могиле – по русской традиции. – Авт.].

(Зап. от Ивана Дементьева 果富贵, Guo Fugui, 1945 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

В альбоме расположены фото 1970-х гг., запечатлевающие семейный праздник в кругу полукровцев второго поколения. От рассказа о семейном празднике Анна переходит к персонажам, запечатленным на фото (рис. 3), и их дальнейшей судьбе.

马鲁夏的大姑姐，叫多尼亚，以前来过，现在也得80多岁。春天时候马鲁夏他们去了一次。多尼亚和她丈夫和孩子一起去的苏联，把她爸爸王宇亮就搁在向阳了，她爸爸

是汉人。去了就在一个小牛犊子的厂房里住，现在还在那住着呢，当时把他们拉过去，

卸下来说：这就是你们家。院子里啥都没有，家里都是黑的，得抹墙啊，啥都没有，多尼卡她能干，丈夫叫雅诗卡，也很能干，他们俩就上队里干活，谁也干不过他们，最后成了模范。

也敢骑马，养牛养的也好，下地种地，几年这日子就过下来了。说啥都长，就在树林子旁边，就拿个缸子一会儿就采很多，高丽果啊，都柿啊，她拿着菜籽，第一年啥都没有，院子什么都得重新整理，她说：等着吧苏联人！我给你们。到了第二年我啥都有，他们干瞪眼。现在八十来岁，房子还是那个房子，男的死了得癌症了。

«Старшая сестра мужа Марины, ее старшую сестру жены зовут Тоня, раньше приезжала, она с моей мамой одногодки, 88 лет. Сейчас еще живая, в прошлом году, или весной или зимой к ней ездили, много раз ездили. Только Тоня с мужем и детьми и мамой все уехали. Ее отец остался в Синьцзяне, он ханец, старуха с ними уехала. Туда приехали – только один коровник, в котором телята. Маленький коровник, до тех пор там внутри жили люди. А дети все ушли, кто работает в полицейском управлении, кто-то учителем. В то время их выгрузили, и говорят: “Это ваш дом!”, ох! Дома [в Трехречье. – Авт.] все было белым [побелено. – Авт.], а здесь все черное, все надо было штукатурировать. Во дворе нет ничего, все надо строить. А Тонька, она хорошо работает, ее муж Яшка или что, тоже трудолюбивый, так говорят. Они начали работать, работали в бригаде [производственной. – Авт.], никто не мог их обогнать, отличниками

Maluxiadedagujie, jiaoDuoniya, yiqianlaiguo, xianzaiyede 80 duosui. Chuntian shihou Maluxia tamen qule yici. Duoniya he ta zhangfu he haizi yiqi qude sulian, ba ta baba wangyuliang ge zai xiangyangle, ta baba shi hanren. Qule jiuzai yige xiaoniuduzide changfangli zhu, xianz haizai naer zhuzhe ne, dangshi ba tamen laguoku, xiexialai shuo: zhe jiushi nimenjia. Yuanzili shadou meiyou, jiali doushi heide, de moqiang a, sha dou meiyou, Duoniya ta nenggan, zhangfu jiao Yashika, ye hen nenggan, tamenlia jiu shang duili ganhuo, shui ye ganbuguo tamen, zuihou cheng le mufan.

Yegan qima, yang niu yang de ye hao, xiadi zhongdi, jinian zhe rizi jiu guoxialaile. Shuo shadouzhang, jiuzai shulinzi pangbian, jiu nage gangzi yihuiier jiu cai henduo, gaoliguo a, dushu a, yuanzi shenme doude chongxin zhengli, tashuo: dengzhe ba sulianren! Wo gei nimen, daole diernian wo sha douyou, tamen gandengyan. Xianzai bashi laisui, fangzi haishi nage fangzi, nande sile de aizhengle.

потому стали. Она научилась сидеть на лошади бойкой, и кормить коров и убирать за коровами, муж в поле работает, через несколько лет жизнь стала хорошей. Все растет, растут ягоды, рядом лес, все растет – говорят, никто не собирает. Очень много, с кружкой минутку пособирает земляники, черники, все есть. Смотрите, сможете трудиться или нет, пьете или нет, как в Китае, если ты пьешь, точно не сможешь. Дуня, она еще привезла [с собой. – Авт.] овощные семена, в первый год у них нет ничего, двор надо еще разв порядок приводить. На второй год она говорила: «Ждите, советские люди, я вам покажу! На второй год я все сажала овощи, они хлопали глазами. Ха-ха-ха!». Она говорила: «У меня все есть!». Она трудолюбивая, Тоня. Сейчас ей больше 80 лет, дом хороший, а муж умер от рака».

(Зап. от Анны Первоухиной 朱玉花, Zhu Yuhua, 1953 г.р. (урож. д. Ернишная), д. Караванная, 2018 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Уехавшие в Советский Союз полукровцы Тоня и Яшка выступают в этом рассказе в роли «культурных героев» из Трехречья: приехав в колхоз, они проявляют удаль и сноровку, трудолюбие, показывают местным жителям, как надо работать «по-настоящему». Отдельного изучения заслуживают нарративы, возникающие при рассматривании свадебных и похоронных снимков¹³.

Таким образом, мемуары в совокупности с нарративами по фотографиям становятся своеобразной устной историей русской народности Трехречья в своем бикультурном дискурсивном целом и выражают не только семейно-групповое, но этнокультурное, этнолингвистическое и этнорелигиозное самосознание русского анклава в Китае.

¹³ Чжан Жюан. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трехречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. 2019. № 4. С. 88–96.

Рис. 1. Семья Дементьевых-Го. В центре – мать и отец Ивана и Маруси. Иван первый слева в третьем ряду. Маруся на коленях у родителей

Рис. 2. Семья Первоухиных-Дементьевых. В центре – мать Ивана, по бокам Иван и Анна. 1990 г.

Рис. 3. Семейный праздник. Игра «Инспектор деторождения».
В центре – Анна Первоухина.

Литература

Забияко А.А., Забияко А.П. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трехречья // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 156–164.

Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В. Народное православие русских Трехречья // Религиоведение. 2016. № 3. С. 121–136.

Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 416 с.

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Русская народность в Автономном районе Внутренней Монголии / кол. авт.; ред. Чжан Сяобинь. Хулуьбуэр: Лит. изд-во Внутр. Монголии, 2015. 354 с. 内蒙古俄罗斯族 \张晓兵主编.– 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2015年.354页.

Финал трагедии Трехречья. Похороны 27 расстрелянных жителей поселка Тыныхэ // Рубеж / под ред. Е.С. Кауфмана. 1930. № 21. С. 5.

Чжан Жюань. «Да, похоронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трехречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. 2019. № 4. С. 88–96.

Юй Цзяньчжун, Цзян Юн. Русская народность. Юньнань: Изд-во Юньнан.ун-та, 2004. 360 с. 余建忠, 姜勇. 俄罗斯民族. 云南: 云南大学出版社. 2004年. 360页;

Янь Гуанцин, Дун Сянчжуй Русская народность в Аргуни. Хайлар: Комитет книжн. сер.

«Романтический город», 2013. 286 с. 闫广庆, 董宪瑞. 额尔古纳俄罗斯族.– 内蒙古: 浪漫之城系列丛书编委会出版. 2013年. 286页.

Янь Гуанцин. Русская национальность в Аргуни. Внутренняя Монголия: Общество книжной серии романтического города, 2013. 闫广庆, 额尔古纳俄罗斯族 浪漫之城系列丛书编委会. – 内蒙古: 浪漫之城系列丛书编委会出版, 2013年.

References

Chzan, Syaobin (Ed.). (2015). *Russkaya narodnost v Avtonomnom rayone Vnutrenney Mongolii*. Hulunbuer: Lit. izd-vo Vnutr. Mongolii. 354 p.

Chzhan, Syaobin (Ed.). (2015). *Russkaya narodnost v Avtonomnom rаnоnе Vnutrennen Mongolii* []. Hulunbuer: Lit. izd-vo Vnutr. Mongolii. 354 p.

Kaufman, E.S. (Ed.). (1930). Final tragedyi Triokhrechya. Pohorony 27 rasstrelyannykh zhitel'ey posyolka Tynyhe [The final tragedy of the Three rivers. 27 the funeral of the executed residents of the village of Tenaha]. In *Rubezh*. No. 21, p. 5.

Klyaus, V.L. (2015). “*Russkoye Trekhrech'ye*” *Manchzhurii: ocherki folklorа i traditsionnoy kultury* [“Russian Triokhrechye” in Manchuria: Essays on folklore and traditional culture]. Moscow. 416 p.

Razumova, I.A. (2001). *Potayennoye znaniye sovremennoy russkoy kultury* [Hidden knowledge of modern Russian culture]. Moscow. 376 p.

Yan, Guantsin (2013). *Russkaya natsionalnost v Arguni* [The Russian nation in Argun rivers]. Vnutrennyaya Mongoliya: Obchestvo knizhnoy serii romanticheskogo goroda.

Yan, Guantsin, Dun, Sianchzhui. (2013). *Russkaya narodnost v Arguny* [The Russian nation in Argun rivers]. Hailar. 286 p.

Yan, Guantsin. *Russkaya nacionalnost v Arguni*. [The Russian nation in Argun rivers]. Vnutrennyaya Mongoliya: Obshchestvo knizhnoy serii romanticheskogo gorod, 2013.

Yui, Tzyanzhui, Tzyan, Yun (2004). *Russkaya narodnost*. [The Russian nation]. Yunnan. 360 p.

Zabiyako, A. A., Zabiyako, A.P. (2017). Istoria pokolenii rusko-kitaiskih semey v memoratah Triokhrechya [History of generations of Russian-Chinese families in memorials of the three rivers] In *Ural historical Bulletin*. No. 1, pp. 156–164.

Zabiyako, A.A., Zabiyako, A.P., Zinenko, Ya.V. (2016). Narodnoe pravoslavie Triokhrechya [Folk Orthodoxy of the Russian Three rivers]. In *Religiovedenie*. No. 3, pp. 121–136.

Zabiyako, A.P. (2017). Russkie Triokhrechya kak osobaya etnolokalnaya gruppa [Russian Three Rivers as a special ethnocultural group]. In Zabiyako, A.P., Zabiyako, A.A. *Russkiye Triokhrechya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russian Trekhrechye: The basis of ethnic identity]. Novosibirsk. 340 p.

Zhang, Ruyan (2019). “Da, pohoronili vmeste, po obychaiyu Sovetskogo Soiuzа”: pogrebalnye traditsii russkikh Triokhrechya v semeinykh fotografkhiyakh [“Yes, they were funeared together by the custom of the Soviet Union”: funeral traditions of Russian of the Trekhrechye reflected in family photos]. In *Traditsionnaya kultura*. No. 4, pp. 88–96.

Статья поступила в редакцию 12.07.2020 г.